

счастья, когда литература возвысилась до правды, и рассказал народу эту правду, и от этого не пострадал никто; по-моему, просто стали себя чувствовать лучше, и какие-то изменения произошли не без влияния этой литературы, так называемой деревенской прозы. Правда, я бывал в Кремле у одного дяди, он говорит: я вот так разом прочёл, так, братцы, это сложная литература. Мы говорим: а у нас и жизнь сложная. И хотелось бы и дальше работать и дожить свой век на каком-то самоуважении и как-то вместе с вами поразмышлять о том, что происходит у нас. Эта настоящая литература подвигла наше общество к самоанализу, к попытке самоусовершенствования осознать себя, понять, что мы есть в этом мире. Даже уже и партийные и советские работники подвигать себя стали к правде. И я всё-таки верю в то, что мы доживём до такого времени, когда сможем откровенно смотреть друг другу в глаза. Если только это будет утеряно, общество наше переродится, оно имеет к этому тенденцию. Оно станет совершенно мне непонятным. Во всяком случае, не тем, за которое я воевал. Общество, в котором за горсть ягод бывший проректор института может перебить хребет четырёхлетнему ребёнку, меня совершенно не устраивает. Не за то, как говорится, боролись.

Всё-таки я верю в потенциальные возможности народа и думаю, что эти недуги окажутся преходящими. В общем-то, мы побеждали и не такое. Эти крайности — они преодолимы. Только каждый из нас должен взять на себя груз ответственности.

Много людей на встречах спрашивают у меня: как дальше жить? Чем жить? И я думаю: почему именно у меня? Может быть, потому, что я — сам того не ведая — дотронулся до каких-то болевых точек жизни. Только дотронулся, конечно.

О. И. Блинова

НЕЗАБЫВАЕМОЕ СОБЫТИЕ 1997 ГОДА — ВСТРЕЧИ С ВИКТОРОМ АСТАФЬЕВЫМ

В начале октября в Красноярске проходил I-й Международный съезд русистов, участниками которого были и диалектологи Томского государственного университета. Активное участие в работе съезда принял Виктор Астафьев. В дни работы съезда и состоялись встречи томских русистов с знаменитым писателем.

До встречи...

Наше знакомство с Виктором Астафьевым началось заочно: в ответ на подаренные писателю диалектные словари Среднего Приобья в наш адрес приходили благодарственные письма и книги Виктора Петровича с автографами. Один из них рукою автора написан на его книге "Так хочется жить": "О. И. Блиновой с поклоном и благодарностью за труд Великий, спасибо всему Вашему коллективу, и филфаку Вашему, и Университету. Дай Вам Бог сил и здоровья для трудов Ваших. В. Астафьев. 26 января 1996 г."

Выдвижение авторского коллектива диалектологов на соискание Государственной премии РФ за работу "Комплексное исследование русских говоров Среднего Приобья (1964–1995 гг.)", включавшую и среднеобские областные словари, Виктор Астафьев горячо поддержал, откликнувшись большой статьей "Очарованные словом". Статья была опубликована в нескольких центральных и местных изданиях. В ней он выразил боль за состояние современного русского языка (вторжение в русский язык американско-английского сленга, лексикона криминального мира, широкое распространение ненорматив-

ной лексики). В статье писатель заявил: “Настало время ценить и поощрять тех, кто помогает сохранить и вернуть нам самое дорогое, что у нас ещё есть — наше родное слово — основу основ нашей жизни”.

Выступление Виктора Астафьева вызвало большой резонанс, оказав большую поддержку томским лексикографам, возглавившим в указе Президента РФ список лауреатов Государственной премии РФ 1997 г.

Встреча первая

Нам посчастливилось в первый же день работы съезда побывать на встрече Виктора Астафьева с участниками съезда и читателями Краевой библиотеки г. Красноярск. Писатель ответил на многочисленные вопросы аудитории о современной культуре, отечественной и зарубежной, о специфике художественного творчества, о его источниках и истоках и др., проявив глубокое знание русской и мировой культуры, искусства, дав характеристику их современного состояния, используя свои личные впечатления от поездок по стране и зарубежным.

В конце встречи состоялось наше очное знакомство с Виктором Петровичем. Мы поблагодарили его за прекрасные книги, за глубокий психологизм и гуманность его произведений и, пользуясь случаем, за поддержку, оказанную нам, словарникам.

После встречи мы были приглашены на фуршет, где Виктор Петрович покори нас своей эрудицией, мастерством устного рассказа, простотой, непринуждённостью и сердечностью общения.

Встреча вторая

Второй день работы съезда, открыло пленарное заседание. После обеденного перерыва неожиданно появился в зале Виктор Петрович и сел за первый стол перед трибуной, где выступали докладчики. Следующим докладом был мой, и посвящён он был принципу антропоцентризма в современном языкознании. Меня объёдал страх: во-первых, предстояло выступить перед знаменитым мастером художественного слова, во-вторых, иноязычный термин “антропоцентризм”, против засилья которых так страстно борется писатель, заменить было нечем! Я волновалась, как никогда! Передо мной был внимательно слушающий зал, а за первым столом — Виктор Петрович, на которого я не осмелилась ни разу взглянуть из-за “антропоцентризма”, однажды даже “споткнувшись”, произнося этот термин. Волнение моё улеглось лишь после того, когда в перерыв ко мне подошёл Виктор Петрович и сказал, что ему очень понравился доклад и особенно речь, произнесённая “без единой бумажки”, и что ему захотелось ... стать моим студентом. Я поблагодарила Виктора Петровича, не скрывая своей радости.

В этот же день Виктор Петрович пригласил всех нас, “томичей”, как он нас называл, к себе в гости, в Академгородок. Мы чувствовали себя на седьмом небе!

По дороге в Академгородок (ехали мы на двух “Волгах”) Виктор Петрович, как профессиональный экскурсовод, показывал и рассказывал нам о достопримечательностях Красноярска, о местах, связанных с его детством. Когда мы подъехали к пятиэтажной “хрущевке”, где живут Астафьевы, Виктор Петрович, не заходя домой, провёл нас молодым сосняком к Енисею. Место там великолепное: могучий красавец Енисей, высокие всхолмлённые берега, покрытые лесом, и открывающаяся в обе стороны, вдоль течения Енисея, подёрнутая дымкой даль, над которой огромный купол неба. Виктор Петрович показал нам родную Овсянку на противоположной стороне Енисея в направлении к Дивногорску, где он родился, где прошло его

сиротское детство, где он сейчас работает летом над своими книгами, показал и скалу, к которой прибило его утонувшую мать, когда он был ещё мальчиком. Виктор Петрович грустно заметил, что когда он с семьёй получил квартиру в Академгородке, долго не мог приходить на берег Енисея, откуда видна эта скала... Фотография на память и — мы в гостях у Астафьевых. Нас радушно приняла хозяйка квартиры, жена Виктора Петровича, его секретарь, писательница Мария Семёновна Астафьева-Корякина (Виктор Петрович познакомился с Марией Семёновной на фронте, в День Победы, и вот уже более полувека они рядом, делят радости и горе — они схоронили двух дочерей и зятя, — воспитывают внуков-сирот).

В квартире Астафьевых море книг, богатейшая библиотека, много картин, — портреты Виктора Петровича, подаренные разными художниками, и других писателей (в кабинете перед рабочим столом писателя — портреты особо любимых и чтимых — Н. Гоголя и А. Солженицына), на стенах акварели, фотографии родных и друзей, огромная волчья шкура — дар сибирского охотника.

Было скромное, но изысканное застолье, с домашними соленьями и кедровой настойкой, был душевный разговор о русской поэзии и прозе, о поэтах и прозаиках, которых хорошо знал и знает Виктор Петрович, о нелёгкой писательской судьбе. Были русские народные песни “Под окном черемуха колышется...”, “Летят утки” (у Виктора Петровича прекрасный голос), было много шуток и смеха. Одно из самых сильных впечатлений — чтение Виктором Петровичем своих рассказов: “Как закалялась сталь”, “Поэты поют”, “Песни Есенина”. Делает это Виктор Петрович очень редко, но, как сказал он, “сегодня особый случай”. Очень жалели, что не было с собой магнитофона, чтобы увезти с собой на память проникновенный, чуть глуховатый голос Мастера.

На прощанье гостеприимные хозяева подарили нам свои публикации с автографами. Быдо уже поздно, на улице кромешная темь. Виктор Петрович проводил нас до автостанции и был с нами, пока не посадил в автобус.

После встречи...

Как много впечатлений может дать даже короткая встреча с необыкновенным человеком, с личностью! И как раскрылась для нас личность Виктора Петровича Астафьева, который до встречи был для нас всемирно известным писателем, автором прекрасных книг, но не реальным, живым человеком!

В Викторе Петровиче покоряет его безграничная доброта, готовность к сопереживанию, готовность помочь близкому ли, знакомому ли или вовсе незнакомому человеку, его жизнелюбие, неиссякаемый юмор. Какой силой духа надо обладать, если на всех жизненных этапах и поворотах — раннее сиротство, детдомовское детство, фронт, тяжёлые ранения, утрата детей — судьба словно проверяла его: выдержит ли? Выдержал! Не только нелёгким писательским трудом завоевал мировое признание, но и сохранил прекрасные душевные качества.

Через день после встречи Виктор Петрович улетел в Бельгию. В этот же день мы возвращались в Томск. На прощанье я позвонила Марии Семеновне. Разговор был долгий, том числе о том, как ей приходится “охранять” Виктора Петровича от докучливых людей, сберегая его время для работы над книгой, о том, как она помогает мужу (знаменитую “Царь-рыбу” Мария Семеновна перепечатывала после правок Виктора Петровича 11 раз), о том, как выполняет много дру-

гих нелегких обязанностей секретаря писателя. На вопрос: не утомили ли мы их, будучи в гостях, Мария Семеновна ответила: “Что Вы! Виктор Петрович, когда вернулся, проводив вас, сказал: “Ну, теперь и дальше жить стоит”.

Окрыленные, полные незабываемых впечатлений, мы вернулись в Томск в надежде на новую встречу: Виктор Петрович в ответ на наше приглашение посетить Томск неожиданно для нас ответил согласием: “А что? И приеду. Ближе к теплу”.

Мы верим, что эта встреча состоится.

Ф. З. Канунова

О МОИХ УЧИТЕЛЯХ

I

Я и мои сверстники имели счастье учиться в сороковые годы в Ленинградском университете, филологический факультет которого был одним из самых блистательных в мире. Там одновременно трудились М. П. Алексеев, В. М. Жирмунский, В. В. Виноградов, А. А. Смирнов, Б. М. Эйхенбаум, Г. А. Гуковский, А. А. Орлов, М. К. Азадовский, И. Г. Ерёмин, В. Я. Пропп, Н. И. Мордовченко, Г. А. Бялый, И. Г. Ямпольский — и это ещё далеко не все. Сильнейшее впечатление уже на первокурсников произвели просеминарий по фольклору В. Я. Проппа (читал этот курс нам М. К. Азадовский) и лекции по введению в литературоведение Г. А. Гуковского.

В. Я. Пропп предложил всем студентам нашей группы для анализа одну былинку на тему “Бой отца с сыном” и поставил перед нами различные задачи, связанные с её многочисленными вариантами, сложной творческой историей, вариативным развитием сюжета, конфликта и т. д. Мы просиживали в Публичной библиотеке, где филологи, как правило, проводили всё свободное от занятий время, и создавали свои сочинения. Волнуясь, мы делали свои первые сообщения большому учёному, поражаясь его доброжелательности, простоте и глубине познаний. Я была обрадована тем, что В. Я. Пропп не только одобрил мой доклад, но и предложил мне специализироваться по фольклору. Мне уже тогда хотелось заниматься русской литературой XIX века и поэтому особый интерес у меня (как впрочем у всех студентов нашего курса) вызвали лекции Г. А. Гуковского по введению в литературоведение. Это было чуть ли не самое яркое событие в жизни студентов. На всю жизнь мы запомнили его блестящие импровизации, безграничную эрудицию, истинно филологическое умение мыслить широко, разносторонне, охватывая предмет во множестве его проявлений. Он прекрасно читал стихи, тончайше чувствовал поэтический текст, доносил его высокий эстетический и нравственный смысл до сердец слушателей. Всегда в своём анализе художественного произведения он доходил до тончайших клеточек поэтического слова. Мысля глубоко исторично и концептуально, он сосредотачивал своё внимание на стиле, видя в нём прежде всего проявление миропонимания художника.

Неизгладимое впечатление произвёл на всех нас, первокурсников, экзамен у Григория Александровича по введению в литературоведение. Вместо традиционных вопросов он предложил нам выбрать по вкусу одно стихотворение и на его анализе показать всё, что мы усвоили из курса.

Ю. М. Лотман, который учился с нами на первом курсе (с самого начала Великой Отечественной войны он ушёл на фронт), так